

А. В. Анисимова

Морально-психологическое состояние офицерского корпуса накануне Гражданской войны: 1916–1917 гг.

В статье представлена общая картина морально-психологического состояния офицерского корпуса в условиях разложения русской армии в 1916–1917 гг. Делается акцент на событиях февраля – марта 1917 г. как на главном деморализующем факторе.

Ключевые слова: разложение армии, офицерство, кадровый состав, Февральская революция, моральная деградация.

A. V. Anisimova

Moral and Psychological Condition of the Officers on the Eve of the Civil War: 1916–1917

In the article the general view of the officers' moral and psychological state in the conditions of decomposition of the Russian Army in 1916–1917 is presented. The emphasis is made on the events of February – March, 1917 as the main demoralizing factor.

Keywords: Army decomposition, officers, a personnel structure, the February Revolution, moral degradation.

Исход любого сражения во многом определяется моральным состоянием войск, в нем участвующих, степенью воодушевления накануне и во время битвы, осознанием правоты дела, за которое предстоит сражаться и, возможно, умереть. Безусловно, имеют огромное значение количественный и качественный состав войска, полководческие таланты командиров, выбранная диспозиция и т. д. и т. п. Но все же значение морально-психологического фактора на войне нельзя недооценить. Армия, лишенная боевого порыва, веры в то, за что она идет в бой, скорее всего, обречена в этом бою на поражение, если только ей не противостоит такая же «бездуховная» и слабая в моральном отношении армия.

Гражданская война – это серия крупномасштабных военных операций, локальных сражений и мелких военных стычек, исход которых также не в последнюю очередь определялся тем, с каким настроением шли в бой воюющие стороны, и тем, что было сделано командованием этих сторон для обеспечения должного настроения.

Офицерский состав – костяк армии, промежуточное звено между рядовым составом и высшим командованием. Именно офицеры ведут в бой вверенные им подразделения и по сути дела сообщают им воинский дух и уверенность в победе. А для этого, как минимум, надо и самим обладать этим самым воинским духом. В против-

ном случае, если уговоры и убеждения не действуют, в силу вступают репрессии и террор как единственно возможное средство заставить солдат умирать.

Белая армия (в собирательном значении этих слов) таких мер не применяла. Естественно, действовали военно-полевые суды; полагалась смертная казнь за дезертирство или бегство с поля боя, но все же широкомасштабной системы террора, возведенного в ранг закона, в отличие от РККА, здесь не существовало. Таким образом, белогвардейские офицеры могли в бою полагаться лишь на внутренние убеждения, воинский пыл и готовность к самопожертвованию своих солдат. Насколько белогвардейское офицерство было в состоянии разжечь и поддерживать в своем воинстве эти необходимые качества? Насколько само оно обладало этими качествами накануне Гражданской войны? С каким эмоциональным настроением, в каком моральном состоянии вступило офицерство в Российскую смуту начала XX в.? Как повлияло это настроение, это состояние души на оценку сложившейся для армии и для страны в целом обстановки и, в конечном счете, на сам выбор среди офицерства, с кем и за что воевать?

В какой-то степени дать ответы на эти вопросы поможет исследование той эмоциональной атмосферы, которая сложилась в офицерской

среде в 1916–1917 гг. Свидетельства по данной проблеме содержатся в воспоминаниях офицеров и генералов бывшей царской армии, относящихся к периоду Первой мировой войны.

В Гражданскую войну многие офицеры вступили в уже подавленном состоянии. Оно было обусловлено не только поражениями русских войск, низким материальным обеспечением армии практически на всем протяжении войны, но и общей ситуацией деградации русской армии, которая затронула не только массу рядового, но и значительную часть офицерского состава. «Первые ласточки» будущего повального разложения армии появились в 1916 г. Об этом свидетельствуют многие очевидцы надвигавшейся катастрофы. Полковник Р. Р. фон Раупах, служивший в Первую мировую войну в качестве военного юриста, свидетельствует: «В 1916 году в тыловых частях впервые появились случаи насилия над командным составом, и при том не только со стороны отдельных солдат, но и частей. Армия заболела, и к 1917 году болезнь эта стала безнадежной. Армию надо было считать потерянной и к борьбе негодной. К февралю 1917 года у меня, как военного следователя по Финляндии, было в производстве шесть дел, квалифицированных как явное восстание» [1].

По мнению фон Раупаха, объяснение подобного положения дел заключается в смене качественного состава армии. «К 1916 году храбрейшие полегли, и на их место стали прибывать сырые, от сохи взятые бородатые дяди. В большинстве это были отяжелевшие темные мужики, которым все на свете, кроме их собственной хаты и села, было чуждо и не нужно. Обратить такой материал в течение месячной подготовки в солдата не мог бы, конечно, никто, а потому с укомплектованием частей в них стали быстро расти всякого рода нарушения дисциплины, бороться с которыми ввиду их массового характера оказалось невозможным по причинам уже чисто техническим» [2].

Разложение охватило не только рядовой состав, но и многих офицеров. Оппозиционные власти настроения среди офицерства появились, пожалуй, даже раньше, чем наступило разложение среди рядового состава. А. И. Деникин называет в качестве причины некоторые порядки, введенные в армии по отношению к командному составу и вызывавшие протест среди офицеров. Вследствие революции 1905–1907 гг. «офицерский корпус почему-то был взят под особый надзор департамента полиции, и командирам полков

периодически присылались черные списки, весь трагизм которых заключался в том, что оспаривать “неблагонадежность” было почти бесполезно, а производить свое, хотя бы негласное расследование не разрешалось... Эта система сыска создавала нездоровую атмосферу в армии» [3].

Здесь же А. И. Деникин указывает еще одну причину, способствовавшую накоплению негативных по отношению к власти настроений. «Среди служилых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства – подполковничий чин и болезненная, полуголодная старость. Офицерский корпус с половины XIX века совершенно утратил свой сословно-кастовый характер» [4].

И как следствие, «жизнь как будто толкала офицерство на протест в той или другой форме против «существующего строя» [5].

Но, тем не менее, это была лишь оппозиция, протест, но еще не разложение. Оно наступает позже, параллельно с разложением всей армии в целом, и к концу 1917 г. достигает своего апогея. Основную причину такого морального перерождения современники видели, в первую очередь, в военных неудачах тех лет, которые вырвали из рядов армии лучших ее представителей. В течение войны кадровый состав Императорской пехоты сменился шесть раз (!). С. С. Керсновский так описывает этот процесс: «Первый кадровый состав Императорской пехоты ушел в вечность в осенних боях 1914 года. Второй окрасил своей кровью снег первой зимней кампании – снег Бзуры, Равки и Карпат. Третий состав – это “перебитые, но не разбитые” полки великого отхода. Пришедший ему на смену четвертый состав вынес вторую зимнюю кампанию. Пятый лег в ковельские болота. Шестой догорал в Буковине и Румынии, и на смену ему запасные полки готовили седьмой» [6].

В свою очередь, нехватка кадрового офицерства на фронтах войны, по мнению А. И. Деникина, «заставила командование поступиться несколькими требованиями военного воспитания и образования, введя широкое производство в офицеры солдат – как за боевые отличия, так и путем проведения их через школы прапорщиков с низким образовательным цензом.

Последние два обстоятельства ... вызвали два явления: несомненно понизили боевую ценность офицерского корпуса и внесли некоторую диф-

ференциацию в его политический облик, приблизив еще более к средней массе русской интеллигенции и демократии» [7].

С. С. Керсновский еще более мрачно оценивает последствия такого «опрощения» производства в офицеры: «Появились офицеры, в которых не было ничего офицерского, кроме погон, и то защитных. Офицеры, не умевшие держать себя ни на службе, ни в обществе... Вчерашний гимназист, а то и недоучка-полуинтеллигент в прапорщичьих погонах, командовал ротой в полтора-дваста мужиков в солдатских шинелях. Он мог повести их в атаку, но не был в состоянии сообщить им воинский дух, той воинской шлифовки и воинской закалки, которой сам не обладал. [...] Между начальниками и подчиненными стало чувствоваться отчуждение, не наблюдавшееся прежде. [...] Одни напускали на себя не принятое в Русской Армии высокомерие и этим отталкивали солдата. Другие безвозвратно губили себя панибратством, попытками “популярничать”. Солдат чуял в них “не настоящих” офицеров...» [8]

Причину деградации и морального разложения в офицерской среде Керсновский видит и, наверное, небезосновательно, в изменении самого стиля обмундирования. «Из военной жизни под ... преступным предлогом “военного времени” вытравлялась вся обрядность, вся та торжественная красота, что прививала офицеру и солдату сознание святости воинского звания. Безобразнейшая обмундировка, так и напрашивавшаяся на неряшливое ношение, отнюдь не способствовала внедрению этого сознания. ... Утрата воинского вида влекла за собой и снижение воинского духа» [9].

Ситуация в армии ухудшилась после издания печальной памяти Приказа № 1, напроочь стершего последние сдерживавшие факторы соблюдения элементарных норм воинской дисциплины в отношениях между рядовым составом и офицерством. Хотя уже сам факт свершения Февральской революции и падения монархии обозначил новую точку отсчета в жизни, как самого государства, так и армии. Идея, которой была призвана служить армия, рухнула. Вместе с ней рухнула и сама армия, став по существу уже не армией, а вооруженной распропагандированной толпой. «Это конец, это анархия», – так отреагировал на манифест об отречении Императора генерал П. Н. Врангель [10].

Февральская революция и отречение Николая II, падение русской монархии стали для боль-

шинства генералитета и кадрового офицерства настоящим потрясением. П. Н. Врангель характеризует это состояние как «недоумение», «ошеломление». «Офицеры, как и солдаты, были озадачены и подавлены» [11]. Буквально ту же реакцию на события описывает и А. И. Деникин: «Войска были ошеломлены – трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифестов. Ни радости, ни горя. Тихое, сосредоточенное молчание» [12].

По всей видимости, влияние Февральской революции в психологическом плане на военный состав было много сильнее, чем последовавшей в скором времени за ней революции Октябрьской. Так, о будущем генерале, а тогда еще полковнике, В. О. Каппеле говорили, что «Февральскую революцию он пережил в нравственном отношении очень тяжело, может быть, тяжелее, чем октябрьскую, так как вторая явилась естественным продолжением первой» [13]. Именно после февраля обозначился психологический слом в среде офицерства и рядового состава, лишивший их того стержня, вокруг которого закручивался до этого весь смысл несения воинской службы: «За Веру, Царя и Отечество!». Один из камней фундамента, на котором базировались моральные устои русской армии, был вынут, и следом за ним рухнуло все здание. «В настоящих условиях с падением Царя пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства; при этом власть и эти обязательства не могли быть заменены ничем соответствующим. Что должен был испытать русский офицер или солдат, сызмальства воспитанный в идее нерушимости присяги и верности Царю, в этих понятиях прошедший службу, видевший в этом главный понятный ему смысл войны?..» [14]

Что испытывал русский офицер в эти дни между двумя революциями, весьма наглядно характеризуют пропитанные горечью, отчаяньем и сарказмом по поводу создавшегося положения слова барона А. П. Будберга: «...сейчас же все мы, несчастные уговаривающие разных рангов, продолжающие судорожную работу и пытающиеся что-то спасти и что-то предотвратить, напоминаем каких-то фанатиков, которые своими телами хотят остановить сорвавшуюся огромную колесницу, летящую с крутого откоса в глубокую пропасть; мы судорожно цепляемся за что-то, молим о каком-то чуде, но большинство понимает, что спасения уже нет; армия, у которой выбили ее душу – дисциплину, давно уже перестала существовать; осталась одна видимость, полная

уже внутри такого гноя и разложения, что только одно великое чудо могло бы нас спасти...» [15] Но в чудеса барон не верит и делает, соответственно, вывод: «...раз нет средства для остановки начавшегося разложения, будь то физическое или нравственное, значит, крышка!» [16]

Не все испытывали схожие чувства, среди офицеров началось расслоение по политическому принципу. 1917 г. – это время, когда в военной среде предпринимались первые попытки сделать выбор своей позиции по отношению к происшедшим событиям, поскольку ситуация практически не оставляла шанса оставаться в стороне.

Даже советская историография не могла замолчать растерянность и смятение, возникшее среди офицеров в связи с начавшимися на фронте беспорядками. Конечно, все это преподносилось в осторожной форме и с явным акцентом на позитивность происшедших событий, но то, что они не воспринимались однозначно даже будущими большевиками, все же указывается. Так, в советском жизнеописании командира одного из красных партизанских отрядов на Востоке России П. Е. Щетинкина по поводу его реакции на события 1916 г. говорится: «...ему, Щетинкину, как офицеру, полагалось быть верным воинской присяге. Эти противоречия мучили его, рождали глубокие размышления...» И далее: «...но как быть? Где выход? Он же офицер, да еще с большими наградами. Не срывать же с себя офицерские погоны и кресты!..» [17] В этих строках, безусловно, насквозь идеологизированного произведения отражены душевные сомнения, которые тогда владели всеми офицерами без исключения. И вопросы «как быть?» и «где выход?» ставил перед собой не только будущий красный партизан П. Е. Щетинкин. Вот только ответили офицеры на них по-разному.

Внутренний конфликт, возникший тогда в среде офицеров, попытался описать А. И. Деникин: «Офицерство несомненно переживало тяжелую драму, оказавшись между верностью присяге, недоверием и враждебностью солдат и велением целесообразности. Часть офицеров, очень небольшая, оказала вооруженное противодействие восстанию и в большинстве погибла; часть уклонилась от фактического участия в событиях; но большая часть в рядах полков, сохранивших относительный порядок, в лице Государственной Думы искала разрешения вопросов мятушейся совести» [18].

В данной ситуации положение могло бы спасти новое правительство, на которое, как видно,

поначалу такие надежды возлагались. Однако Временное правительство за все время своего существования зарекомендовало себя абсолютно беспомощным, некомпетентным даже в том, что касалось наведения внутреннего порядка, не говоря уже о порядке в армии. В условиях, когда требовались жесткие и категоричные меры, Временное правительство проявляло мягкость и нерешительность; когда требовались действия, оно ограничивалось лишь словами, выливающимися в откровенную демагогию. Отношение к Временному правительству среди военных было, мягко выражаясь, неприветливым. А. Ф. Керенский, ставший военным министром, на фронте своими визитами и сопровождавшими их «пламенными» речами ничего, кроме раздражения, злости и насмешек, не вызывал. Генерал Н. А. Епанчин так вспоминал приезд на фронт Керенского 12 мая 1917 г.: «...Керенский вместе с Брусиловым ездил по митингам, где договорился до того, что совершенно охрип. Он говорил все одно и то же: лягал старый порядок, клялся, что он “старый революционер”, и убеждал сражаться “до победного конца”. Беда была в том, что он, по видимому, не знал, с кем он говорит. ... Кончая уговаривание, он сказал, что если они не пойдут, то он “возьмет ружье и пойдет один”. В задних рядах закричали: “Ну что ж, ступай, коли охота”. В этот день я впервые увидел Керенского и, видя и слыша этого шарлатана, полишинеля, а вернее прохвоста, я окончательно убедился, что дальнейшая служба невозможна» [19].

Таким образом, деградация, смятение и хаос, воцарившиеся в армии к октябрю 1917 г., дополнялись абсолютным неуважением к существующему правительству, его полным неприятием со стороны как простого солдата, так и кадровых офицеров и генералов. На фронте среди офицеров сложилась двойственная ситуация. С одной стороны, новоиспеченные офицеры, офицеры, недавно вынырнувшие из рядовых, не имеющие ни должного уровня образования, ни опыта командования вверенными им частями, ускоряли и без того стремительный развал армии. Здесь даже не важно, сознательно они это делали или нет. Результат в любом случае получался отрицательный в силу отсутствия у них указанных качеств. С другой стороны, старое кадровое офицерство, не только наблюдавшее этот процесс, но и вовлеченное в него помимо воли, старалось всеми силами исправить ситуацию, но наткнулось только на стену ожесточения, ненависти, презрения, в лучшем случае, равнодушия.

Вообще, сама оценка ситуации в некоторой степени зависит от психологических качеств того, кто ее оценивает. В этом плане воспоминания очевидцев иногда довольно резко различаются именно по своему психологическому настрою. Например, на фоне мрачного описания действительности, царившей в армии накануне и после Февральской революции генерала А. И. Деникина и чуть ли не inferнальной картины барона А. П. Будберга, как-то даже оптимистически звучит краткое замечание атамана Семиречья Б. В. Анненкова: «Большевики сделали свое гнусное дело, и теперь осталось лишь завершить его, убрав с фронта лучшие части. Первыми стали вводиться партизанские отряды, сформированные из добровольцев и нисколько не разложившееся. Тяжело было уходить с фронта, но и делать было нечего!» [20] Странно, но Б. В. Анненков, хотя и писал свою «Колчаковщину» уже по прошествии нескольких лет после этих событий, но практически не уделяет внимания описанию той обстановки, о которой уже было сказано выше.

Примерно в том же духе выдержаны воспоминания будущего атамана Забайкальских казаков Г. М. Семенова, находившегося в конце войны на Кавказском фронте. О положении на фронте в начале 1917 г. он писал: «Первые же дни революции показали невозможность для офицерского состава справиться с развалом армии... В полках оставались солдаты, вовсе не желавшие воевать и постепенно расходившееся по домам, и офицерский состав, который чувство долга заставляло оставаться на своем посту до конца» [21]. Чтобы справиться с ситуацией деградации в войсках, Г. М. Семенов и Р. Ф. Унгерн фон Штернберг пытаются реализовать идею добровольческих формирований из айсаров. Цель заключалась в том, «чтобы попытаться оказать давление на русских солдат если не моральным примером несения службы в боевой линии, то, действуя на психику, наличием боеспособных, не поддавшихся разложению частей, которые всегда могли быть употреблены как мера воздействия на части, отказывающиеся нести боевую службу в окопах» [22]. Эксперимент удался лишь частично: сами дружины «показали себя блестяще», но, тем не менее, «фронт продолжал митинговать и разваливаться» [23].

Были и те, кто не испытывал душевных колебаний при выборе позиции в 1917 г., но таких было меньшинство. Это были либо давние и убежденные противники царской власти, либо те, для кого «здоровье» русской армии было превы-

ше всего, те, кто справедливо видел ее возрождение в сильной и твердой власти, какого бы окраса она ни была. М. Тухачевский, находясь в немецком плену, говорил: «Если Ленин окажется способным избавить Россию от хлама старых предрассудков и поможет ей стать независимой, свободной и сильной державой, я пойду за ним» [24]. Справедливости ради стоит отметить, что Тухачевский говорил это именно в плену, то есть в 1916–1917 гг. на фронте он не был и не мог быть прямым очевидцем разворачивающейся трагедии.

При сопоставлении воспоминаний и просто высказываний очевидцев развала фронта можно условно выделить три направления возможного развития ситуации.

Первое представляют кадровые царские офицеры с большим стажем, для которых Февральская революция стала настолько сильным шоком, что они так и не смогли от него оправиться. Эти люди вступили в начинавшуюся Гражданскую войну полные самых патриотических и, если можно так выразиться, светлых и чистых намерений спасти страну от «чумы большевизма», но совершенно морально подавленные и исполненные, скорее, не воинского духа, а чувства долга офицера. Дальнейшее ведение войны для них диктовалось, скорей, печальной необходимостью, но не эмоциональным порывом.

Второе направление представляют те, кто воспринимал сложившуюся ситуацию более адекватно. Это – молодое офицерство, придерживавшееся антибольшевистских настроений, которое не было окончательно подавлено; предпринимавшее некоторые шаги по исправлению ситуации и, надо сказать, небезуспешные, и, что самое главное, полное боевого порыва, желания сражаться и победить. Их недостатком было то, что в силу своей молодости они не получили ключевых постов в грядущей Гражданской войне, а стало быть, не могли оказать решающего влияния на ее ход. Им предстояло стать теми, кого объединят потом одним словом – «атаманщина».

И, наконец, третье направление, – это те, кто по разным причинам (их рассмотрение не является непосредственной целью данной работы) сделал ставку на новое советское правительство. Эти люди, воспламененные надеждой на восстановление армии и ее былой славы, при четком, холодном и жестком руководстве большевиков стали серьезной и грозной альтернативой для будущего Белого движения. В такой ситуации можно предположить, что белые проиграли Гра-

жданскую войну еще в конце 1916–1917 г., когда она, по большому счету, даже не успела начаться.

Примечания

1. Раупах Р. Р. фон *Facies Hippocratica* (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 г. / ред. и коммент. С. А. Манькова [Текст]. – СПб., 2007. – С. 174.

2. Там же.

3. Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 [Текст]. – Мн., 2003. – С. 8–9.

4. Там же. – С. 9–10.

5. Там же. – С. 9.

6. Фомин С. В. Золотой клинок империи Свиты Его Императорского Величества генерал от кавалерии граф Федор Артурович Келлер // Граф Келлер [Текст]. – М., 2007. – С. 470.

7. Деникин А. И. Указ. соч. – С. 10.

8. Фомин С. В. Указ. соч. – С. 470.

9. Там же. – С. 470–471.

10. Врангель П. Н. Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Т. 1: Воспоминания. Мемуары [Текст]. – Мн., 2002. – С. 22.

11. Там же. – С. 23.

12. Деникин А. И. Указ. соч. – С. 62.

13. Гагкуев Р. Г. Генерал Каппель // Каппель и каппелевцы. 2-е изд., испр. и доп. [Текст]. – М., 2007. – С. 29.

14. Врангель П. Н. Указ. соч. – С. 22.

15. Будберг А. П. Дневник. Часть первая [Текст]. – М., 2003. – С. 7.

16. Там же. – С. 8.

17. Кашуткин П. В. Революцией мобилизованный и призванный... Очерк жизни и деятельности П. Е. Щетинкина [Текст]. – М., 1977. – С. 18, 22.

18. Деникин А. И. Указ. соч. – С. 45.

19. Фомин С. В. Указ. соч. – С. 568.

20. Гольцев В. А. Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова [Текст]. – М., 2009. – С. 44–45.

21. Семенов Г. М. О себе: воспоминания, мысли и выводы [Текст] // С. Л. Кузьмин (сост.) Барон Унгерн в документах и мемуарах. – М., 2004. – С. 289.

22. Там же.

23. Там же.

24. Соколов Б. В. Михаил Тухачевский. Жизнь и смерть «Красного маршала» [Текст]. – Смоленск, 1999. – С. 43–44.